

Гр а н и к о с м и ч е с к о г о м и р о в о з з р е н и я

А.В. Шапошникова

Созвучие

Знания в истории человечества продвигались разными путями. И каждый раз этот путь был труден и тернист. Тайными тропами шли носители знаний в неведомые убежища, где хранились рукописи и свитки. Знание ценилось дороже золота и жизни. Его путь был путем «закрытых забрал». Но забрала не всегда спасали несущих Знания. Их выслеживали, отлавливали, на них доносили. Их жгли на кострах, распинали на крестах, гноили в каменных мешках тюрем. Сколько было потеряно, сколько было сожжено бесценных манускриптов, сколько погибло хранителей духовных сокровищ на этих опасных дорогах, нам пока неизвестно. Если понять, что происходило на дороге «закрытых забрал», то сложится целая история борьбы между Светом и тьмой, возникнет из забвения важнейший и трагический этап эволюции человечества.

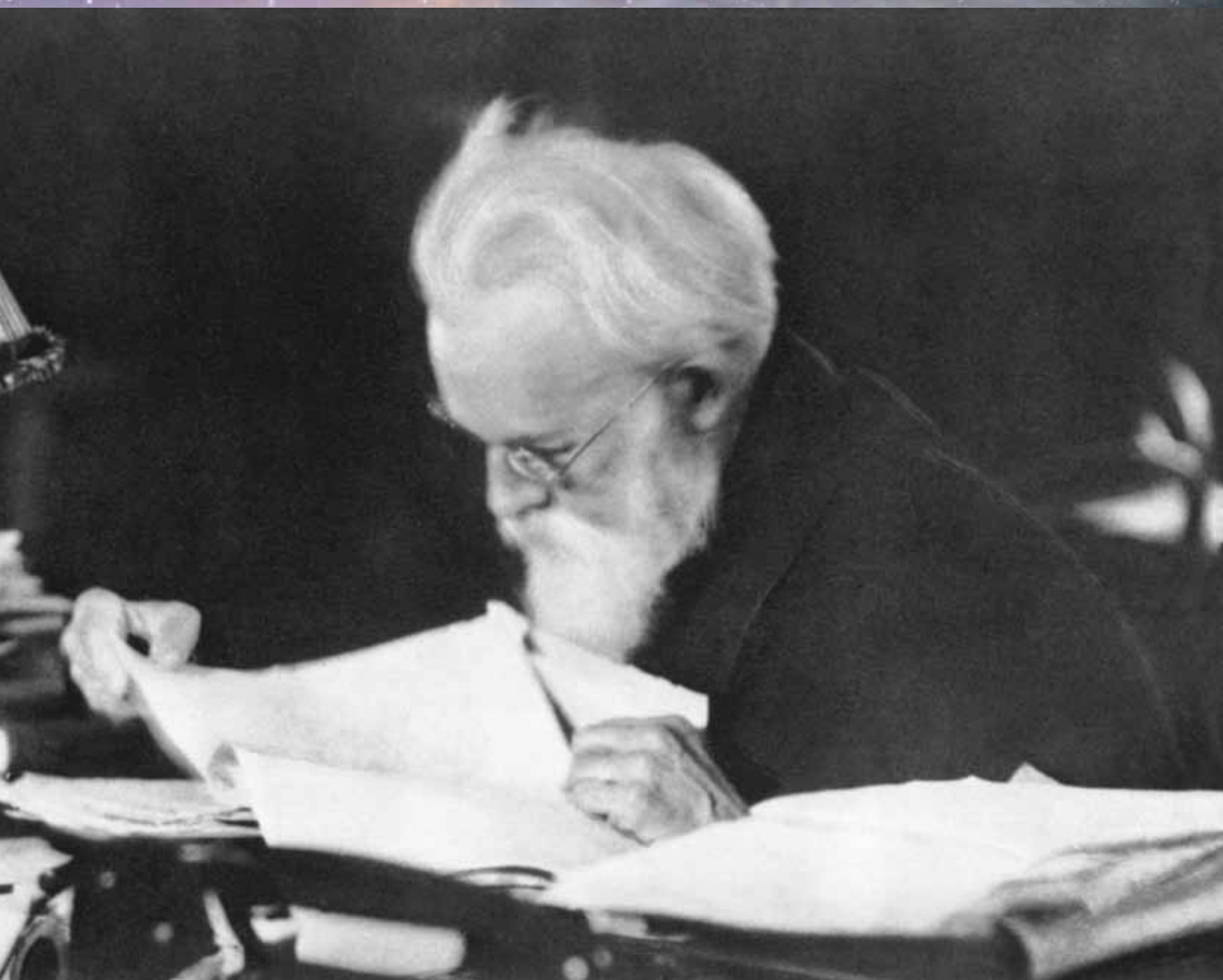
После Октябрьской революции 1917 г. в России противостояние Света и тьмы обрело формы идеологической борьбы тоталитарного государства. Узкая материалистическая философия марксистского диамата стала единственной, которая допускалась в стране. «Инквизиция, – писала Елена Ивановна Рерих в 1937 г., – еще существует, и члены ее лишь переоделись в современные одежды»¹.

Четверо выдающихся ученых и философов, представлявших космическое мышление, – В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, П.А. Флоренский, – в разное время и в разных обстоятельствах соприкоснулись с этой инквизицией. Циолковского допрашивали в подвалах Лубянки, на Вернадского идеологи писали доносы, которые грозили ученому если не тюрьмой, то забвением его трудов, Чижевский просидел много лет в лагерях ГУЛАГа, Флоренский был расстрелян. Философия реального космоса, Живая Этика не была допущена в СССР, ибо противоречила идеологическим установкам государства. Никто из четверых не получил возможности прочесть ее. Но, несмотря на это, в трудах каждого из них мы находим созвучие с Живой Этикой. Как ни странно, они охватили принципиальные ее идеи, каждый в своей доле и части, и выступили как бы вестниками космической философии и прежде всего концепции новой трансформированной науки и новой синтетической системы познания. Все то, что уже было представлено в Живой Этике, постепенно складывалось и развивалось в научном творчестве всех четверых. Впервые в пространстве традиционной науки ими была поставлена проблема синтеза науки и метанауки в рамках новой системы познания. Передовая наука XX века и Живая Этика шли друг другу навстречу, но это движение было замедлено известными уже нам причинами, связанными с историческим периодом развития государства. Все четверо несли в себе те качества, которые способствовали реализации трудной эволюционной миссии – изменению науки и системы познания. Они были не только великими творцами, но и гениальными учеными и философами, внесшими и в науку, и в философию много нового и неожиданного, начиная с новых идей и кончая новыми областями науки. Все они были блестяще образованны, и их энциклопедические знания напоминали творцов эпохи Возрождения. Их уровень нравственности, духовности и сознания значительно превосходил человеческие качества их коллег и современников. Никто из них не уходил от жизни, их волновали судьбы своего народа

и своей страны. Они размышляли над негативными и страшными процессами, которые происходили на их родине, и пытались постичь причины происходящего. Циолковский и Вернадский, Флоренский и Чижевский немало думали над тем, как усовершенствовать жизнь государства и человека. Они писали на эту тему статьи, и некоторые их идеи были опять-таки созвучны тем мыслям, которые мы находим в Живой Этике. Государство, государственное устройство, взаимодействие власти и народа, утверждение важнейших факторов в развитии страны – все это мы видим в работах этих выдающихся ученых.

¹ Письма Е.И. Рерих. Т. 5. М., 2003. С. 323.

Владимир Иванович Вернадский

В тех условиях, которые сложились в нашей стране, крайне трудно было, не возбудив нападков и подозрений, работать над новой системой познания, в которую они вводили философию в самом широком смысле слова, религиозный опыт и искусство.

В работах крупнейшего русского ученого и мыслителя В.И. Вернадского обнаруживаются таинственные связи с Живой Этикой, механизм которых мы пока можем объяснить крайне приблизительно. Результаты этих связей были представлены в ряде идей и явлений, имевших особое значение. Среди них мы видим научное Братство, в создании которого принимал самое активное участие Вернадский. Это Братство в значительной мере было созвучно тому Братству – общи-

не Учителей, – упоминание о котором мы находим в Живой Этике. В Братстве велись научные дискуссии, происходил обмен мнениями и шла общая научная работа, в которой так нуждались ученые. Мы знаем, что некоторое время спустя подобное Братство было создано Рерихами в Гималайской долине Кулу. Через Рерихов участники гималайского научного Братства были связаны с Учителями, с тем исконным Братством, откуда все и пошло. Братство молодых русских ученых не имело видимых связей с Учителями, но тем не менее его организаторы ощущали то таинственное веяние, то тонкое энергоинформационное невидимое струение, которое исходило из Братства Учителей. И уровень сознания молодых русских ученых, и сердечные узы, которые их связывали,

помогли Братству какое-то время продержаться в самых тяжелых условиях послереволюционной России.

Потом настало время, когда в живых остался только один из них, **Владимир Иванович Вернадский**, вложивший так много труда и идей в это уникальное Братство. Вернадского с Братством Учителей связывала не только идея самой научной организации. Оттуда же, можно предполагать, пришел к нему тот удивительный сон-жизнь, который он видел в тифозном забытии в Крыму. Этот сон, вне сомнения, можно назвать связью с Высшим, которая ощущалась им в течение всей его жизни. И поэтому в его научной и философской деятельности, начиная с новой системы познания и кончая проблемой ноосферы, мы все время будем встречаться с мыслями, близкими Живой Этике, и ее созвучиями. Это ощущение связи с Высшим Вернадский называл религиозным чувством в самом истинном его смысле. Речь не шла о какой-то конкретной конфессии или каком-либо культе. Религиозное чувство – это природное, в большей или меньшей степени, переживание окружающего мира в его реальности. Именно это чувство, которое у Вернадского было крайне обострено, лежало в основе его космического мироощущения, носившего сначала стихийный, а затем научно осознанный характер.

Именно с этого и начиналась его новая система познания. Он считал, и это мы находим в Живой Этике, что ни одно явление на Земле не может быть правильно осмыслено, если его не поместить в научную картину Космоса. В новую картину Космоса, которую Вернадский формировал, он ввел неожиданный компонент – этику, о которой он писал в одной из своих ранних работ. В какой-то мере это был прямой выход на Живую Этику, получивший в определенной степени свое развитие в его философских идеях о необходимости нравственной наполненности новой науки. Вместе с тем он считал, что в новую науку должны войти знания, добытые вне научным путем в духовном пространстве человека, к которому он относил философию, религиозный опыт и искусство в самом широком смысле этого слова. Новая система познания должна основываться на комплексе различных знаний, различных способов познания. Собственно, мы видим такую синтетическую систему познания в Живой Этике уже в ее завершенном виде. Исследуя пути создания новой системы познания, Вернадский обратил внимание на восточную философию, в частности

на индийскую, где нашел многие наведения для осмысления ряда важнейших процессов, идущих в биосфере. Это было связано в первую очередь с его работами о живом веществе, в ходе которых он пришел к выводу о космичности живого вещества и самой жизни. Эту же идею мы находим в Живой Этике. Размышления о генезисе живого вещества вывели его на теорию перевоплощений, которая свойственна для индийской философии в самом ее четком освещении – в буддизме. Он принял ее, ибо ощутил ее крайнюю необходимость для объяснений самых важных процессов эволюции. Космический закон перевоплощений Живая Этика рассматривает как важнейший закон космической эволюции. Вернадский подошел очень близко именно к такой интерпретации, считая, что метемпсихоза, или закон перевоплощения, решает вопросы эволюции не только с точки зрения человека как такового, но и «с точки зрения всего живого вещества»². В этой мысли был заложен революционный пересмотр всех важнейших положений, связанных с космической эволюцией. Научный поиск Вернадского в этом направлении пытались остановить, ему даже пригрозили, но несмотря ни на что он продолжал свою работу, и его доктрина познания обогатилась теорией метемпсихозы, так же как и способами познания, существовавшими в духовном пространстве человека. Он настаивал на том, чтобы такие области познания, как философия, религия, искусство, получили равные с эмпирической наукой права в новой системе познания.

Занимаясь много и плодотворно историей науки, Вернадский глубже, чем кто-либо, осмысливал закономерности ее развития и ее познавательные свойства. Он вникал в ее эволюционные глубины и понимал, что проблема знания была одной из важнейших в эволюции человечества и в его истории. Во взглядах на культуру у Вернадского было много общего с концепцией Н.К. Рериха, который в своих исследованиях искал общее в мировой культуре и пытался найти причины такого ее свойства. Вернадский стремился понять причины ее падений и расцветов, ее зарождений и ее затуханий и тем самым приближался чисто интуитивно к энергетическому мировоззрению Живой Этики. Ученый размышлял об энергиях биосферы и энергетике человека, стараясь уловить какую-то связь между ними, ту связь, на которой все держалось.

Собственно, создавая новую систему познания, он творил новую картину Вселенной и вскрывал новые особенности космической эво-

² Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М., 1977. С. 27.

люции. Так же как и создатели Живой Этики, он размышлял и писал об энергетическом мировоззрении, об энергоинформационном обмене в Космосе, а новый эволюционный виток планеты Земля назвал «энергетической эпохой». Он рассматривал энергетические процессы, происходящие в Космосе, как причинные для любого земного явления. Подобную идею мы находим в книгах Живой Этики, но в более широком освещении. Энергетические положения буддизма, которые нашли свое отражение в Живой Этике, увлекли его, и он, вникнув в эти положения, пришел к выводу, что буддизм более чем что-либо другое отвечает современной научной мысли. Что же касается буддийской доктрины реинкарнации, Вернадский считал ее важнейшим устоем космической эволюции и не видел в ней ничего, что противоречило бы науке как таковой. Осмысливая буддизм как философскую систему, он повторял те мысли о буддизме, которые содержались в самой Живой Этике. Опираясь на энергетическое мировоззрение, он исследовал энергию человека, которую назвал биохимической и которая по многим своим параметрам отвечала психической энергии, о которой писали создатели Живой Этики. В какую бы область знания ни проникал его острый ум, он везде находил новые моменты, связанные с главными устоями космической эволюции. Вернадский совсем по-другому, нежели это было принято в его время, определял эволюционные периоды Земли. Геологической эпохе нашей планеты, утверждал он, предшествовала космическая эпоха. И опять мы находим созвучие его мыслей с положениями Живой Этики. В учении о живом веществе, которое представляет собой ценнейшую часть его научного наследия, Вернадский утверждал, что жизнь на Земле произошла именно в космическую эпоху и была несомненно космическим явлением. И его размышления и заключения о живом веществе имеют много общего с тем, что мы находим на страницах Живой Этики. Он ввел в свою систему доказательств жизнь как важнейшую опору всего Космоса, имеющую для последнего причинный характер. Не беря в расчет космические процессы, невозможно постигнуть суть земного живого вещества. Он рассматривал Космос, его энергетику, процессы, идущие в нем, как главный гносеологический компонент в новой системе познания. Человек, согласно этой системе, является мощным фактором эволюции, а вещество биосферы так же космично, как и сам человек. Космос, как и жизнь, подчиняясь ритму, вечны и не имеют ни начала, ни конца. То же самое утверждают и создатели Живой Этики. Вернадский немало страдал от того, что его ученые коллеги далеко не всегда понимали то, о чем он

говорил и писал. Особенно это относилось к проблемам сознания, которыми не занималась эмпирическая наука. Но Вернадский настаивал на расширении сознания как одном из важнейших моментов не только системы познания, но и самой космической эволюции. Те, кто читал книги Живой Этики, должны помнить, что расширение сознания является главным моментом космической эволюции человечества.

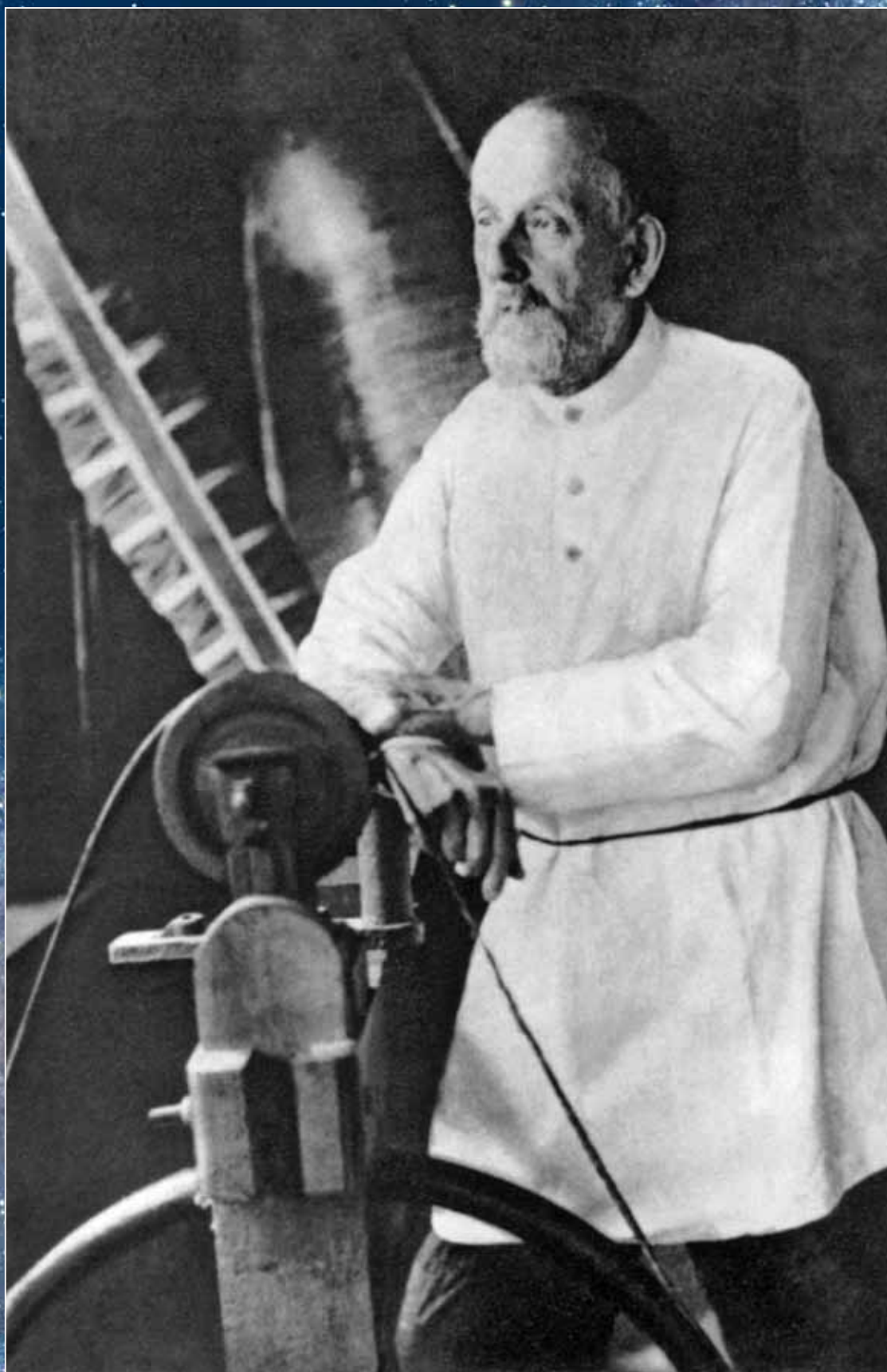
Сюжеты, рассматриваемые ученым, – такие, как четвертое измерение, связанное с мирами иными, с иным состоянием материи, с разной геометрией самого Космоса, переходом материи из одного состояния в другое, – имели прямое отношение к информации Живой Этики. Он много обращался к этим темам в своей известной работе «Научная мысль как планетное явление». Он понимал, что мысль как явление еще по-настоящему не затронута научными исследованиями, в то время как именно она меняет облик планеты, содержание творчества человека и продвигает его эволюцию. И опять он приближался к пониманию феномена мысли, которое мы встречаем в Живой Этике.

Проблема ноосферы, или «сферы разума», как будущего человечества заставляла его все больше и больше, наряду с наукой, вникать и в философию формирования такой сферы на Земле, и он старался понять, что ждет человека с появлением такой сферы. Пожалуй, ни одна идея не вызвала и не вызывает такого количества различных мнений, весьма противоречивых, а иногда просто отрицающих друг друга, как ноосфера. И это не потому, что Вернадский в чем-то глубоко заблуждался, а потому что ученые, сталкиваясь с идеей ноосферы, по-разному ее воспринимали, согласно качеству своего сознания и образования. Идея ноосферы Вернадского обогнала уровень самой науки. Многие моменты работы «Научная мысль как планетное явление» приближались к теории познания Живой Этики, к ее концепции космической эволюции. Он увязывал новую форму биохимической энергии человека с созданием ноосферы, или новой эпохи в эволюции человечества. О том же писали и создатели Живой Этики, считая психическую энергию важнейшим фактором Нового мира и Нового человека. Согласно и Вернадскому, и Н.К. и Е.И. Рерихам, эта Новая эпоха определялась сроками Второй мировой войны, где в жесточайшем противостоянии сошлись Свет и тьма. В августе 1941 г. Вернадский записал в своем дневнике: «Сегодня я ярко чувствую “мировой” стихийный процесс – зарождение в буре и грозе ноосферы». О «времени грозном и прекрасном», предшествующем Новой эпохе, написано и в Живой Этике. Формирование ноо-

сферы было для Вернадского космическим процессом. Такой же космический характер носили для него и наши победы в Отечественной войне. По индийскому циклическому летоисчислению, небывалая эта война совпала с концом Кали Юги – эпохи зла – и началом Сатъя Юги – эпохи Справедливости. Философское осмысление этих циклов мы находим и в Живой Этике.

Другой великий русский ученый, **Константин Эдуардович Циолковский**, который, как и В.И. Вернадский, сыграл выдающуюся роль в формировании нового космического мышления, имел высокое и чистое созвучие с Живой Этикой. Кульминационный пункт в творчестве Циолковского пришелся на период между двумя веками – XIX и XX. Он нес в себе традиции науки XIX в., и эти традиции оказались сильнее, нежели у родившегося позже Вернадского. Циолковский был фигурой, воплотившей в себе переход, который совершила эволюция, шагнувшая в XX, переломный век второго тысячелетия. У него были и другие особенности, отличавшие его не только от Вернадского, но и от других двух великих ученых. Он был самоучкой и образовал себя сам, читая книги и схватывая знания на ходу. Эта ситуация неслась в себе двойкий смысл – положительный и отрицательный. Положительный заключался в том, что в ходе самообразования Циолковский развил в себе самостоятельность мышления и ушел в какой-то мере от цепких рук научной традиции XIX в. Но, обделенный волею судьбы этой традицией, он так или иначе, вольно или невольно сам к ней стремился и старался, подражая другим ученым, пользоваться ею как можно чаще. Это «межвековое» положение порождало немало противоречий и в практической работе ученого, и в его философских размышлениях. Но здесь речь идет не о противоречиях, которые при подлинном углублении в творческое наследие ученого и философа могут быть сняты, а о том, что гений Циолковского создал и сотворил такое, без чего наша наука была бы совсем другой. И еще он, как нам известно, был глухим с самого детства. И это лишило его возможности полноценного общения не только с коллегами, но и с другими людьми. С одной стороны, это было хорошо – люди не могли посягать на его время, и он не зависел в этом отношении от них. Он все время или работал, или погруженный в себя, размышлял. С другой стороны, лишенный нормального общения, он что-то терял и эмоционально, и информативно. Но как бы то ни было, судьба и эволюция распорядились именно так, а не иначе. У него была удивительно развитая интуиция, а богатство внутреннего знания, очень конкретного и связанного в основном с космическими проблемами, свидетельствовало о ка-

ких-то таинственных источниках его происхождения. Самое странное заключалось в том, что у него не было предшественников и, главное, не было инженерного образования. Но тем не менее при разработке проекта космической ракеты он учитывал такие конкретные ее особенности, о которых не мог знать, живя на Земле и не имея для такой сложной работы даже экспериментальной базы. И, конечно, возникает вопрос: как он мог додуматься до этого сам? (Или кто ему все это подсказал?) Возникало ощущение, что в лице Циолковского на Землю из таинственных глубин Космоса прибыл космонавт, который знал хорошо не только Космос, но и конструкцию аппаратов, которые где-то далеко давным-давно бороздили эти глубины. И он прибыл на Землю, чтобы рассказать людям обо всем этом, и от них зависело – усвоят ли они и поймут ли, о чем говорил им этот странный человек, как будто выполнявший какую-то миссию. Но он, как и Вернадский, не смог избежать ослепления ни Землей, ни наукой. Ослепление наукой в нем было сильнее, нежели ослепление Землей, оно возникло от преклонения самоучки перед этой наукой, и избежать этого было невозможно. Но его природная самостоятельность и внутренняя свобода часто прорывали это ослепление, и тогда космический поток информации лился через него на Землю и вызывал у окружающих или безграничное удивление, или резкое отрицание. Его беспокоило и то и другое, ибо он хорошо понимал всю сложность и тяжесть своего земного пути и неожиданные последствия людских эмоций. Его безусловная пронизанность Космосом настораживала и тревожила даже тех, кто стремился понять его и отчасти его понимал. У него было много общего с Вернадским в подходах к новому космическому мышлению, но они никогда не были знакомы и, возможно, даже не подозревали о существовании друг друга. Так иногда обстоятельства разводят единомышленников. Но так же, как и Вернадский, Циолковский уделял главное внимание в своих работах новой системе познания. Его открытия и его озарения были связаны именно с ней и носили, я бы сказала, методологический характер. Это были особенности Космоса и космических процессов, без учета которых не могла в XX в. существовать ни одна система познания, а тем более такая, которая лежала в основе формирующегося космического сознания. В нем жило это сознание, и ему не надо было делать усилия, чтобы из механистического превратить его в космическое. Его сознание в измерениях превышало земное и многое определяло и в его философии, и в его научной работе. Он, как и Вернадский, в своих подходах к новой системе познания стоял близко к Живой Этике, хотя, как и его

Константин Эдуардович Циолковский

младший коллега, не читал ее и ничего о ней не знал. Оба они настаивали на том, чтобы в новую систему вошли способы познания, которые современная им наука называла вненаучными и основную роль в которых играли духовные способности человека. Вернадский и Циолковский считали, что восточная философия с ее многовековым опытом познания человека как части Космоса может открыть многие пути для современного познания. Оба отдавали предпочтение буддизму, главные положения которого мы находим в Живой Этике. Циолковский, как и Вернадский, принял доктрину перевоплощения и даже пытался объяснить ее с научной точки зрения. Но это у него не совсем получилось, ибо научная мысль того времени для таких объяснений была не слишком приспособлена. В то же время он добавил к новой системе познания ряд моментов, которые мы находим только в его философии и ни у кого из его современников. Это разумные силы Вселенной – Совершенные, как называл их Циолковский, – управляющие ею и влияющие на эволюцию Космоса, и, наконец, высокий Разум, который, вне всякого сомнения, присутствует в Мироздании. Такую же информацию мы встречаем в Живой Этике. Ее авторы пишут об одушевленном Космосе, о космическом Разуме и Иерархии этого разумного Космоса, которая управляет энергоэволюционными процессами в Космосе. В этой Иерархии находит свое выражение закон – Высшее ведет низшее, – с действием которого мы встречаемся в мирах самого различного состояния материи. «В земной жизни и в жизни Космоса, – утверждает Циолковский, – далеко не все так просто, как думают наши ученые и философы, и высокий разум мыслящих существ уже не раз вмешивался в стихийные силы природы, в явления космических масштабов, только мы еще не научились замечать эти вмешательства. Но с прогрессом науки мало-помалу будут вскрыты те конструктивные изменения, которые внес высокий разум мыслящих существ в высокие, но слепые силы материи. Для того, чтобы заметить эти влияния, понадобится несколько столетий или даже тысячелетий упорной работы ученых, если в один прекрасный день космический корабль, прилетевший из далекой галактики, не раскроет нам основные законы Вселенной...»³

Самое интересное состояло в том, что «космический корабль», на который справедливо надеялся Циолковский, уже прилетел на Землю. И этим «кораблем» оказалась Живая Этика, чей источник излился из глубин Космоса на Землю и раскрыл

нам основные законы Вселенной. Тем самым ее создатели – Учителя и Космические Иерархи, Совершенные, по определению Циолковского, – ускорили эволюцию планеты Земля на многие тысячелетия. Они ускорили, но люди на этой планете не спешили признать Живую Этику и воспользоваться ее знаниями. Одни – ускоряют, другие – замедляют. В результате получается не очень обнадеживающая средняя кривая эволюционного процесса. Вмешательство состоялось, но «ослепление Земли» не дало пока возможности ускорить процесс. Прошло уже 87 лет с тех пор, как появилась Живая Этика, а о ней до сегодняшнего дня знают немногие. Земля продолжает страдать от незнания Законов Космоса. Последствия этого незнания трагичны и губительны.

Беспорочно размышляя о космических проблемах, учитель гимназии Циолковский создал целую философскую систему, ничего общего не имевшую с официальным диаматом. Мысли чудаковатого глухого учителя не воспринимались в ученом мире. Свои провидческие труды он публиковал на скудное школьное жалование, а потом потерял даже такую возможность. Его идеи долго находились под запретом, о них никто не писал и не говорил. Циолковского не признавали как философа, а его имя было известно лишь в связи с разработкой космических ракет. Да и сейчас немногие знают, что калужский учитель был мыслителем планетарного масштаба. Своими идеями разумного Космоса он пугал и удивлял ортодоксальных материалистов, ничего не признававших, кроме плотной материи. Циолковский утверждал, что человек несет в себе волю Вселенной. Согласованность воли индивидуума с волей Вселенной зависит от уровня сознания и развития этого индивидуума. И чем выше это развитие, тем созвучней воля человека и воля Вселенной. «Воля человека, – писал он, – и всяких других существ, – высших и низших, – есть только проявление воли Вселенной. Голос человека, его мысли, открытия, понятия, истины и заблуждения – есть только голос Вселенной»⁴. Он как бы слушал Вселенную, о чем-то догадывался, опираясь на свое внутреннее знание, что-то предчувствовал. В то же время с «космического корабля» Живой Этики шла своя информация: «Намагничивание духом дает решение космической воли»⁵. И еще: «Космическая воля присуща каждому продвижению в Беспредельность»⁶. Многое здесь совпадало с размышлениями Циолковского. Живая Этика писала об Огненном мире, о более высоком состоянии мате-

³ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. М., 1995. С. 410.

⁴ Циолковский К.Э. Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы. Калуга, 1928. С. 14.

⁵ Беспредельность, 473.

⁶ Там же, 507.

рии, о человеке будущего, строение и энергетика которого будут нести свойства этого Огня, этой высоковибрационной и тонкой материи. Циолковский размышлял о взаимодействии материи и энергии, о переходе одного в другое. В подобном переходе он видел условие дальнейшего продвижения космической эволюции человечества. Живая Этика важнейшим процессом космической эволюции считает процесс одухотворения материи. Этот процесс связан именно с переходом материи в энергию, ибо дух, согласно Живой Этике, есть энергия. Степени такого перехода могут быть разные. Циолковский брал высший уровень и размышлял об огненном человеке, или лучистом человечестве, которое возникнет в ходе дальнейшего развития эволюции. Лучистое человечество Мира Огненного есть результат духовного совершенствования его в процессе перехода материи в энергию. Этический момент в ходе такого процесса был одним из важных устоев. Поэтому Циолковский, как и Вернадский, включал этику в новую систему познания.

Наряду с размышлениями Циолковского о системе познания и некоторых особенностях космической эволюции мы находим у него и интересные догадки, а может быть, и озарения о мирах иных состояний материи, о которых в современной науке не только не писали, но даже и не говорили. «Но кроме миров, подобных человеческим, возможны миры из иных плотностей и иных размеров»⁷, – писал он. В Живой Этике мы также находим информацию о мирах не только иного состояния материи, но и иных измерений. Он прекрасно себе представлял виды тонкой и плотной материи. Однако эволюцию перехода от одного вида материи к другому определял как переход от разреженного к плотному, значительно упрощая этот процесс. Создатели Живой Этики представляют себе этот процесс несколько по-другому, сложнее и интереснее. В основе его лежит противоположение «инволюция – эволюция». Начальный этап этого процесса начинается с инволюции – вхождения более высокого, или тонкого, вида материи в инволюцию, завершающегося уплотнением самой материи, затем начинается процесс превращения этой материи в еще более тонкую, более высокого качества. Циолковский полагал, что плотная материя – материя более высокого уровня. Однако считать это грубой ошибкой ученого не приходится, все дело в том, какой этап эволюции он видит в своем воображении и какое место в эволюции он ему находит. Он сам нес в себе этот сложный процесс – инволюцию, через которую он прошел, чтобы вновь

достичь высот эволюции, помогая другим. Иногда спотыкаясь и останавливаясь на своем трудном пути самостоятельного постижения Космоса, он нес в себе тем не менее ощущение, что все тайны мира видимого кроются в невидимом, – иными словами, невидимое, или Высшее, есть причина всего, что находится в низшем. Между тем и другим лежат миры различных состояний материи, о которых говорится все в той же Живой Этике.

Многие мысли Циолковского, особенно те, которые были созвучны с системой познания Живой Этики, не были результатом его эмпирических исследований, а как бы шли из глубин его внутреннего мира. И можно прийти к заключению, что метанаучный способ познания в научной работе Циолковского преобладал над эмпирическим. В этом состояла особенность его научной деятельности. В своих философских и научных изысканиях он вырывался за пределы Земли и был убежден, что истина космична. В этом он был не только созвучен Живой Этике, но и повторял размышления Н.И. Пирогова. Эмпирическая наука того времени практически не касалась проблемы мысли, которая самым глубоким образом интересовала Циолковского. Он ощущал ее запредельные скорости и, критикуя теорию относительности Эйнштейна, писал о другом пространстве, которое начиналось за пределами скорости света. Это другое пространство существовало в мирах иного состояния материи, откуда и шла эта удивительная прищипка-мысль, неся с собой бесценную информацию. Мысли как таковой посвящены многие страницы в книгах Живой Этики.

Циолковский ощутил своей богатейшей интуицией энергетическую роль сердца человека в Космосе и на Земле и включил его в свою новую систему познания. В Живой Этике есть отдельная книга, которая посвящена свойствам энергетики сердца человека. В ней утверждается, что этот орган есть тончайший инструмент познания. Книга эта так и называется – «Сердце». Размышляя о сердце, Циолковский пришел к выводу, что в познании оно выше интеллекта и является местом помещения сознания. Этот вывод не только не противоречил Живой Этике, но и подтверждал ее концепцию сердца. Сам Циолковский сердцем ощущал космический Закон Учительства, отдавая при этом высший приоритет Галилейскому Учителю, или Иисусу Христу. Сердечное познание Закона Учительства есть одно из важнейших положений Живой Этики. Сердце для Циолковского было своеобразным мостом между Космосом и Землей. В современной ему

⁷ Циолковский К.Э. Гений среди людей. М., 2002. С. 234.

науке сердце изучалось только медициной, и его энергетическая и познавательная суть совсем не затрагивалась.

В свою систему познания Константин Эдуардович ввел понятие беспредельности и бесконечности Космоса. Беспредельность и бесконечность действуют в рамках космического ритма. Вселенная умирает и вновь возрождается, но каждый раз на более высоком уровне. Он ощущал этот процесс умирания и возрождения Вселенной как один из важнейших процессов космической эволюции. Индуистская философия писала о пралайе – Ночи Брахмы, когда Вселенная стягивается в атом, чтобы потом возродиться и расшириться в День Брахмы. Необходимость такого процесса у него не вызвала никакого сомнения. Он глубоко понимал его закономерность и эволюционную обусловленность. Современная наука ни о чем подобном не свидетельствовала. Он сам постигал некоторые законы Космоса, которые не были ведомы даже самым выдающимся ученым. Закон кармы, или причинно-следственных связей, закон перевоплощений были для него эволюционной необходимостью. Он так же глубоко их понимал, как и создатели Живой Этики, писавшие о них в своих удивительных книгах. Те идеи, которые он выдвинул в пространстве познания Космоса и его эволюции, несли и несут такое богатство его гениальной мысли, что переоценить это просто невозможно. И чем больше мы будем отдаляться от Циолковского во времени, тем больше будем понимать бесценность его творчества для развития нового космического мышления на планете Земля.

Если Вернадский и Циолковский были в полном смысле этого слова изолированы друг от друга, то с Чижевским Циолковский был связан тесными узами дружбы, единомыслием и глубокими творческими беседами. У них была большая разница в возрасте, но это не мешало им многие годы поддерживать друг друга и обсуждать интересовавшие обоих вопросы. И эти вопросы, конечно, были связаны с Космосом. Многолетний друг Циолковского, **Александр Леонидович Чижевский**, – тоже великий русский ученый, внесший важный вклад в космическое мышление и ставший одним из его родоначальников. Он был богато одарен и нес в себе синтез ученого, художника, поэта, что помогало ему немало в его творческой деятельности. «Чижевский, – писал его биограф В.Н. Ягодинский, – конечно, был на редкость многогранной личностью. <...> Он писал стихи на космические и научно-философские темы, был прекрасным пейзажистом и тон-

ким знатоком музыки. И все это было сплавлено в единое мировосприятие благодаря особому таланту к одновременному охвату мыслью и чувством не только логической стройности, но и красоты мира. Именно это предопределило тонкое проникновение Чижевского в интересовавшие его проблемы, обозначило характер и выбор тем»⁸.

Чижевский, как и его старшие коллеги, много занимался новой системой познания, которая полностью противоречила существовавшему в то время научному мировоззрению. Космос лежал в ее основе. Он пришел к убеждению, что существует единое космо-теллурическое пространство, связанное в одно целое магнитной жизнью Мироздания и теми ритмами и циклами, какие существуют в нем. Все это ни в коей степени не противоречит тем идеям, которые мы находим в Живой Этике. Он был убежден, что процессы, идущие на Земле, могут быть правильно осмыслены только с позиций особенностей и закономерностей самого Космоса. Будучи одним из великих ученых нашего времени – созидателей нового космического мышления, он обладал удивительной способностью соединять экспериментальную, эмпирическую науку с теми идеями, которые приходили к нему из внутренних глубин его существа и носили умозрительный философский характер. Неся в себе синтез знаний научных и вненаучных, или метанаучных, он собственным опытом подтверждал необходимость их соединения. Своими экспериментами он выходил за пределы эмпирической науки, расширяя горизонты познания и давая возможность проникнуть в те глубины, которые ей были недоступны. Он блестяще подтверждал метанауку в своих экспериментальных работах, обладая удивительной способностью правильно ставить проблему в ходе того или иного эксперимента. Такая способность, как это ни странно, редко встречалась среди его коллег-ученых. Ярчайшим примером этого были блестящие экспериментальные доказательства влияния ритмов солнечных возмущений на земной исторический процесс. Оказалось, что человек и человеческое общество, ритмы их жизнедеятельности находятся во владении яростного Светила и полностью ему подчиняются. Исследуя эти циклы и ритмы, он подходил близко к энергетическому мировоззрению Живой Этики, утверждая, что именно ритм энергетических взрывов, или возмущений на Солнце, изменяет жизнь человека, делает ее активной в одно время и пассивной в другое, создавая возможности для массовых движений в человеческом обществе в опреде-

⁸ Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. М., 1987. С. 217.

ленные периоды и лишая человечество таких возможностей в другие моменты. Он создал убедительную картину 11-летних циклов движения земной истории, причина которых была связана с активностью Солнца и лежала вне Земли. Чижевский первым назвал историю природным явлением и причислил ее к сонму естественных наук. Он не только ощущал эти ритмы и циклы, но и, как незаурядный художник, видел их. Образность, которую он вводил в новую систему познания космического мышления, давала ему возможность постигать глубже и тоньше происходящее в Космосе и на Земле. Он вычерчивал кривые взаимодействия Космоса и человека и видел в них не только линии, но и загадочные бесконечные ритмы Космоса.

«И вот, при виде всех этих дружно вздымающихся и дружно падающих кривых наше воображение представляет себе животрепещущую динамику космо-теллурической среды в виде безграничного океана, покрытого рядами нарастающих и рушащихся волн, среди которых жизнь и поведение отдельного организма уподобляются незаметной и безвольной щепке, повинующейся в своем поведении, как и в настоящем океане, всем капризам окружающей его физической стихии»⁹, – писал он. И этот образ океана с бушующими в нем волнами энергии помогал ему точнее представить энергетику взаимодействия Космоса и планеты, на которой он жил и творил. Этот образ нес в себе познавательную силу.

Творческая интуиция, которая создавала образ, относилась к метанаучному способу познания, и этой творческой интуицией Чижевский был одарен в полной мере. Создав теорию образа как способа познания, он провидел в видимом образе невидимое явление, которое, правильно расшифрованное, дает возможность познать это явление и вскрыть его сокровенную сущность. Волнообразная теория света была образом, при помощи которого Максвелл открыл свои уравнения магнитного поля. Чижевский понимал, что явления, которые не поддаются эксперименту эмпирической науки, могут быть познаны методом

Александр Леонидович Чижевский

«творчества образов». Качающийся маятник – вверх – вниз – вверх – таил в себе идею умирания и возрождения Космоса или, иными словами, был образом космического ритма. И этот космический ритм составлял гносеологическую основу новой системы познания. «Космос не знает истощения, – писал Чижевский, – ему присуща вечная жизнь, обусловленная ритмом, отбиваемым колоссальным космическим маятником»¹⁰. Познавательная суть «творчества образов» присутствует и в Живой Этике, создатели которой довольно часто прибегают к образу, носящему не сравнительно-литературный характер, а заключающему в себе то невидимое явление, которое требовало познавательной расшифровки. Это невидимое явление, которое требовало познавательной расшифровки. Это невидимое явление, которое требовало познавательной расшифровки. Это невидимое явление, которое требовало познавательной расшифровки.

⁹ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. С. 34.

¹⁰ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы // Духовное созерцание. №1–2, 1997. С. 109.

димое явление, оставаясь неотъемлемой частью образа, было той реальностью, за которой стояла энергетика иных, более тонких состояний материи. Опираясь на свое понимание образа как способа познания, Чижевский раскрывает и познавательную суть поэзии и делает это убедительно и четко, помещая истинную поэзию в пространство откровения, находящегося в области духовного творчества человека. «Истинное поэтическое произведение, – справедливо утверждал Чижевский, – вырванное из глубины духа, может стать таким откровением, какого не достигнет строго размышляющая философия или наука». Тем самым он утверждал поэзию как один из важнейших способов познания. Подобные идеи мы находим и в Живой Этике, которая рассматривает откровение в качестве источника познавательной информации и не однажды пользуется такой информацией. Моменты откровений возникали и в поэзии самого Чижевского. Слова одного из его стихотворений – «Реальный мир в мгновенном сне» – свидетельствовали об ощущении ученым реальности миров иных, более тонких состояний материи. Или еще:

*И жизнь – повсюду жизнь в материи самой,
В глубинах вещества от края и до края.*

Как философ и как ученый он исследовал проблему жизни, увязывая ее теснейшим образом с энергетическими процессами, идущими в Космосе, и вольно и невольно следуя в русле системы познания Живой Этики. Жизнь – явление космическое, а сам Космос представляет собой одушевленную структуру – такова основная его идея, от которой он никогда не отрекался. Жизнь, утверждал он, «создана воздействием творческой динамики Космоса на инертный материал Земли»¹¹. Подавляющее количество физико-химических процессов на Земле, полагал Чижевский, есть результат воздействия космических сил. Именно они обеспечивают все жизненные процессы в биосфере Земли, именно там происходит трансформация космической энергии. И он приходит к самому главному выводу, который определяет его космическую систему познания: «Не Земля, а космические просторы становятся нашей Родиной». Когда мы читаем Живую Этику, дающую нам новое представление о космической эволюции, мы находим эту мысль почти в каждой ее книге.

Чижевский писал о великой электромагнитной жизни Вселенной, закладывая первые кирпичи в фундамент энергетического мировоззрения и будущих двадцатых веков. «Эта жизнь, – отмечал он, – имеет свой пульс, свои периоды и ритмы. Наука будущего должна будет решить вопрос, где зарождаются и откуда исходят эти ритмы»¹². Солнце не создавало эти ритмы. Оно только проявляло их своими пятнами и своими возмущениями. Но где-то должен же существовать источник космических ритмов, которые Солнце отражает. Живая Этика называла этот источник Космическим Магнитом, который рождал и регулировал ритмы на всех уровнях мироздания. Чижевский ощущал биение этого Сердца Вселенной, которое работало в унисон с ритмом Солнца. Он подошел близко к этому феномену Вселенной, но не смог подтвердить все экспериментально. Я уверена, ему не хватило на это его короткой творческой жизни. Создатели Живой Этики подтвердили выводы Чижевского о воздействии пятен Солнца на жизнь нашей планеты. «Солнечные пятна, – отмечали они, – оказывают влияние на самые различные стороны сущего»¹³. И еще: «Огонь солнца и огонь духа – наши творческие силы. Теплота солнца и теплота сердца – наши жизнедатели»¹⁴. Учителя называли Солнце сердцем нашей Системы. Чижевский не знал ни об Учителях, ни о Живой Этике, но чисто интуитивно следовал в ее русле. Его занимали те проблемы, которые в Живой Этике уже были решены. То, о чем он только догадывался, было уже разъяснено на страницах Учения.

«...Состояние Солнца, первоисточника всякого движения и всякого дыхания на земле, – писал ученый, – находится в известной зависимости от общего состояния электромагнитной жизни мира вообще и, в частности, от положения других небесных тел. Не связывает ли это изумительно тонкими, но в то же время величественными связями интеллектуальное развитие человечества с жизнедеятельностью всей Вселенной?»¹⁵ И далее: «Став на такую точку зрения, следует уже а priori допустить, что важнейшие события в человеческих сообществах, охватывающие при участии народных масс целые страны, протекают одновременно с какими-то колебаниями или изменениями сил окружающей природы»¹⁶. Тот, кто внимательно изучал Живую Этику, без труда поймет, что Чижевский пишет о Космическом Магните, определяющем всю жизнедеятельность

¹¹ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. С. 33.

¹² Там же. С. 30.

¹³ Знаки Агни Йоги, 504.

¹⁴ Беспредельность, 79.

¹⁵ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. С. 9.

¹⁶ Там же.

Вселенной и наполняющем ее пространство ритмом тех магнитных волн, которые ученый увидел во время своей работы над этой проблемой. Космические ритмы электромагнитных колебаний связывали воедино все Мироздание на уровне макро- и микрокосма. Об этом единстве писали и создатели Живой Этики.

«Теперь мы можем сказать, – утверждал Чижевский, – что в науках о природе идея о единстве и связанности всех явлений в мире и чувство мира как неделимого целого никогда не достигали той ясности и глубины, какой они мало-помалу достигают в наши дни. Но наука о живом организме и его проявлениях пока еще чужда расцвету этой универсальной идеи единства всего живого со всем мирозданием»¹⁷. Идея «единства всего живого со всем мирозданием» свидетельствовала о том, что законы, по которым возникает и развивается все живое в Мироздании, также едины и приложимы в том числе и к историческому процессу. «Космический закон отражает явления всего мира форм»¹⁸; «Нерушим закон, явленный Космосом. При творчестве утверждается обмен всех энергий»¹⁹, – отмечали создатели Живой Этики.

Как бы странно и даже опасно это ни звучало, было ясно, что точки опоры исторического процесса, его причины, закономерности и ритмы надо было искать не на Земле, а в Космосе, в самой энергетической структуре Мироздания. Чижевский пришел к выводу, что «силы внешней природы связывают или освобождают заложенную потенциально в человеке духовную сущность и принуждают интеллект действовать или коснеть»²⁰. В отличие от марксистских философов, считавших дух человека чем-то «невещественным», Чижевский рассматривал последний как силу природы. Это противоречило официальной науке, но несмотря на все это ученый продолжал свои исследования и смог довести их до конца.

Возможно, в картине взаимодействия Космоса с земным историческим процессом, созданной талантом Чижевского, и есть какие-то неточности, какое-то упрощение, не учтены какие-то энергетические факторы, тем не менее принципиальная схема взаимодействия Космоса с историческим процессом научно подтверждена.

«Из сказанного следует заключить, – подводит итоги своих необычных исследований Чижевский, – что есть некоторая взвешенная сила,

воздействующая извне на развитие событий в человеческих сообществах. Одновременность колебаний солнечной и человеческой деятельности служит лучшим указанием на эту силу»²¹. И опять в этих словах ученого мы ощущаем дыхание и ритм Космического Магнита, одной из важнейших энергетических структур Мироздания. Чижевский все время кружил своей мыслью вокруг него, но ему не хватило ни времени, ни жизни, чтобы сделать свое великое открытие и экспериментально подтвердить его. Он оставил это для будущих ученых, которые воспользуются информацией, содержащейся в Живой Этике.

Истина пробивает себе путь на Земле в страданиях и борьбе, и не каждому это под силу. Но, как сказал Тейяр де Шарден, человек есть «эволюция, осознавшая саму себя»²². Процесс этого осознания труден и сложен, и пути его реализации разнообразны. Путь науки – один из них. Без осознания космической эволюции как таковой нельзя осмыслить ни одно явление на Земле, в том числе и исторический процесс, который является частью этой эволюции, рычагом ее действия в нашем физическом мире.

Чижевский писал и размышлял о космическом сознании, которое должно составить главную суть наступающего нового мышления. Живая Этика такому сознанию уделяла большое внимание ввиду наступления на Земле Новой эпохи. Между идеями Чижевского и тем, что мы находим в Живой Этике, не было никаких противоречий и никаких расхождений. И создатели Живой Этики, и Чижевский, словно сговорившись, писали об одном и том же: причины земных явлений надо искать в Космосе. Но понимание этого обстоятельства могло прийти с изменением сознания человечества, с расширением сознания. Утверждение этого процесса в пространстве космической эволюции становилось методологическим положением и самой Живой Этики, и новой системы познания, которая формировалась в многогранном творчестве великого ученого.

В последние годы своей жизни Чижевский занимался энергетикой крови, интуитивно нащупывая одно из главных свойств энергетики человека. «Система крови, – отмечал он, – окутана силовыми линиями электрического поля». Он назвал энергетiku крови «электричеством жизни». Живая Этика считает, что именно кровь разносит по организму человека психическую энер-

¹⁷ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. С. 24.

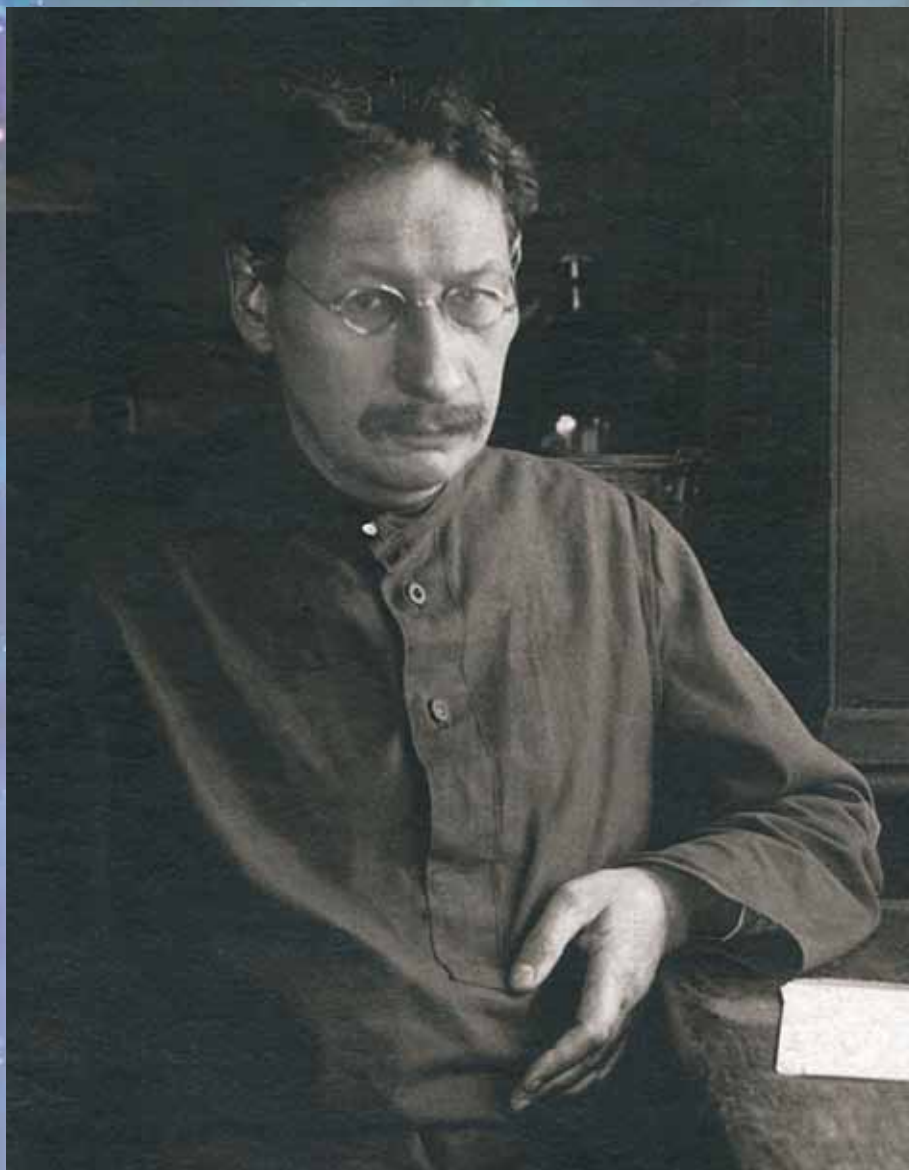
¹⁸ Беспредельность, 112.

¹⁹ Там же, 147.

²⁰ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 21.

²¹ Там же. С. 38.

²² Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 176.

Павел Александрович Флоренский

гию, которая играет важнейшую роль в совершенствовании и преобразении самого человека. Чижевский, как и Вернадский, нашел в организме человека явные проявления этой энергии. Исследуя энергетику крови, он пришел к выводу, что кровь, находясь вне организма, теряет свои электрические, или энергетические, свойства. Это лишь раз подтверждало не только свойства такой энергетики, но и ее особенность или непохожесть на иные виды энергетики.

Ко всему этому можно добавить, что размышления Чижевского об искусстве и культуре, которые мы находим в «Академии поэзии», совпадают с той концепцией, которую мы встречаем в Живой Этике.

Одним из важнейших положений Живой Этики как системы познания нового космиче-

ского мышления является существование мироздания, более высокого состояния материи, более высокого ее измерения. Создатели этой философской системы, в том числе Елена Ивановна Рерих, достаточно подробно осветили инобытие как космическое явление, прочно связанное с энергетикой внутреннего мира человека и влияющее на энергетику его бытия. Живая Этика утверждает, что воздействие таких миров на земную жизнь – более сильное, нежели мы себе представляем. Для того чтобы познать особенности плотной материи, мы должны учитывать подобное воздействие. Если мы отказываемся это делать, то ни о каком подлинном познании самой земной материи речи быть не может.

Великий ученый, философ, один из образованнейших людей России, поэт и священник **Павел Александрович Флоренский** имел непосредственное отношение к изучению инобытия как такового.

Как и создатели Живой Этики, он считал это явление необходимой и неотъемлемой частью новой системы познания, в формировании которой он активно участвовал. Он не только ощущал в себе это инобытие, но и научно доказал его существование в своих трудах, таких как «Мнимости геометрии», «Иконостас», «Обратная перспектива». «К чему бы ни прикоснулся Павел Флоренский своей мыслью, – пишет один из известных российских философов К.А. Кедров, – все начинало сиять и светиться новым неповторимым светом. <...> Такой подход опережал движение философской мысли на годы»²³. Это свечение было тем внутренним светом, который жил в нем самом, как жило в нем ощущение инобытия, через этот опыт он шел как философ и ученый. «...Все научные идеи, которые я ценю, возникали во мне

²³ Кедров К.А. Параллельные миры. М., 2001. С. 138.

из чувства тайны»²⁴, – отмечал он сам. Это «чувство тайны» и было тем пространством, где обитали инобытие и метанаучные способы познания, которые он соединял в одно целое в новой системе познания. Космос не существовал без материи иных состояний – в этом он был убежден, и не потому, что логически это доказал, а потому, что имел уникальный опыт общения с мирами такой материи. Его связь с Высшим не была случайной. Регулярность этой связи утверждала его каждый раз в существовании запредельного, иного мира, в котором заключались все причины мира земного. Вот эта связь и приближала его к Живой Этике, книги которой он, как и остальные – Вернадский, Циолковский и Чижевский – даже не держал в руках. Это его внутреннее знание о мирах иных и опыт, каким он обладал, свидетельствовали о космической реальности, истинность которой в равной степени существовала и для создателей Живой Этики, и для него самого.

Это обстоятельство делает его уникальной фигурой даже среди тех четырех великих личностей, которые внесли самый значительный вклад в формирование нового космического мышления, обозначившего иной этап в развитии человечества. В этом сложном процессе у него была самая трудная миссия – рассказать людям о мирах высоких, тонких, высоковибрационных, где господствовала неведомая еще человечеству энергия Огня. Он понимал, что мировоззрение абстрактное, без связи с жизнью и опытом, есть явление мертвенности и пустоты. «...Мировоззрение – не шахматная игра, – писал он жене из Соловецкого лагеря, – не построение схем впустую, без опоры в опыте и без целеустремленности к жизни. Как бы ни была она сама в себе остроумно построена, без этого основания и без этой цели она лишена ценности»²⁵. Пожалуй, он единственный из четверых не подвергся ни «ослепению Землей», ни «ослепению наукой». У него существовала твердая почва под ногами, давшая ему уйти от такого соблазна. Этой почвой была реальная связь его с инобытием, с миром иных состояний материи, откуда сюда, на Землю, лился светящийся поток космической реальности, несший в своих магнитных волнах истины грядущего космического сознания, о котором свидетельствовала Живая Этика. Моменты новой системы познания, которые разрабатывал или над которыми размышлял Флоренский, также были созвучны тем положениям, которые существовали в Живой Этике.

Флоренский не только считал, что метанаука должна войти в новую систему познания, но ис-

следовал ее важнейшие особенности, находившиеся на стыке религии, искусства и идей древней философии. Его учение о мирах различных состояний материи содержало новые подходы к Реальности Космоса и являлось важнейшим методологическим устоем в той системе познания, которую он создавал. Ее особенностью являлось расширение пространства метанауки и дальнейшее постижение новых способов познания. Он четко ощущал, что именно за метанаукой, а не эмпирической наукой стоит та космическая Реальность, исследование которой изменит и саму эмпирическую науку. Это ощущение не было случайным, а обуславливалось той точкой зрения, с уровня которой он решал проблему новой системы познания. Она была высока, и в ученом мире, к которому он принадлежал, оказалась доступной только ему. Эта точка зрения, как ни странно, находилась в непостижимых пространствах миров иных состояний материи и иных, более высоких ее измерений. С такой же точки зрения он решал и проблемы эмпирической науки, получая на редкость оригинальные и неожиданные результаты. Он был уверен, что именно метанаука, которая была тесно связана с Реальностью Космоса, превосходила науку эмпирическую и должна была занимать большее пространство в формирующейся новой системе познания. Он обогатил ее метанаучными способами познания, сложившимися в течение многих веков в пространстве духовного творчества человека. Чистой эмпирической науки не существует, утверждал Флоренский, и эмпирическая наука нуждается в дальнейшем расширении в ней методологии метанаучного познания. Ибо только такая методология определит путь познания Реальности. Особенностью Флоренского как ученого было практическое соприкосновение с такой Реальностью. Мир иной жил в нем самом, давал ему творческие ориентиры и возможность постигнуть его Реальность. Флоренский, можно утверждать, был истинным свидетелем этой Реальности. Оценивая это обстоятельство с точки зрения космической эволюции, можно назвать его Вестником Реальности. Эти особенности не только приближали его идеи к Живой Этике, но и сам он нес в себе то духовное наполнение, которое было свойственно авторам этого уникального труда. Уровень его сознания был высок и превосходил энергетику современников.

Он был сторонником общинного устройства, опыт которого он находил в Оптиной пустыни, и считал, что община может возродить Церковь

²⁴ Флоренский П.А. Оро. Лирическая поэма. М., 1998. С. 109.

²⁵ Флоренский П.А. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1998. С. 599.

в ее изначальном виде, который в далеком прошлом придал ей апостол Павел. Он научно доказал связь истинного искусства с инобытием, утвердив тем самым ряд идей, которые мы находим в Живой Этике. Он раскрыл сущность реальной Любви и Красоты, идущих на Землю из Высших миров, и определил их как новые способы познания. В эту систему он включил и сердце, во взглядах на которое он не расходился с авторами Живой Этики. Определяя сердце как духовный центр энергетической структуры человека, Флоренский считал этот орган инструментом метанаучного познания, источником знания и пространством связи с мирами более высокого состояния материи. Имея в виду эти свойства сердца, он, как и авторы Живой Этики, считал необходимым синтез интеллекта и сердца в системе нового познания. Разрабатывая методологию этой системы, он считал главной целью познание космической Реальности во всевозможных ее формах.

Выходя в своих творческих исследованиях на проблемы пространства, он пришел к интересному заключению, отзвуки которого мы также находим в Живой Этике. Пространство не только определяет стиль художественного построения, но и отражает мировосприятие самого художника. Иными словами, пространство есть миропонимание и важнейший момент в постижении искусства как системы познания. Творческую связь пространства с миропониманием обуславливают миры более высоких состояний материи. Он научно доказал эту важнейшую мысль в своих работах «Обратная перспектива» и «Мнимости геометрии». Он также пришел к выводу, который мы знаем из Живой Этики, что пространство – это энергетика, которая зависит от организации этого пространства.

Новая система познания, в которую Флоренский внес так много, позволила ему определить и предмет философии. «Центральным пунктом философии, – говорил он, – считается сейчас вопрос о познании реальности»²⁶. Как авторы Живой Этики не ставят вопроса, что в какой-либо философской системе «первично», а что «вторично», так и Флоренский снял это «первично» и «вторично» и заменил все это необходимостью философского познания Реальности. Включая философию в новую систему познания, он настаивал на изменении ее концептуальной направленности.

Будучи убежденным сторонником синтеза научного и метанаучного способов познания в рамках нового космического мышления, Флоренский

особое внимание уделил использованию в этом синтезе религиозного опыта. На основе такого опыта он разрабатывает методологию поиска Истины, которая отражена в его фундаментальной работе «Столп и утверждение Истины». Космическая направленность нового мышления нашла свое выражение во всех областях человеческого творчества, в том числе и в религии. И в каждой такой области – науке, философии, искусстве, религии – рвалась на поверхность новая система познания, богатая, многосторонняя, непредубежденная и глубокая, какой еще не было в истории человеческой мысли. Флоренский был ее ярчайшим представителем, сумевшим показать всю познавательную силу религиозного опыта так же убедительно, как это было сделано в Живой Этике.

Откровение в этом пространстве составляло существенную часть знания, которое сформировалось на религиозном опыте и как важная метанаучная компонента самой системы познания. Флоренский не просто автоматически включал религиозный опыт в новую систему познания, но параллельно вел углубленную работу по обновлению религиозной мысли, которая должна была соответствовать происходящему в пространстве нового мышления синтезу. Такой же процесс мы находим и в Живой Этике, связь которого с религиозным творчеством Флоренского не может быть подвергнута сомнению. От русского священника к Учителям тянулись какие-то таинственные нити, уходящие в беспредельность Космоса и погружавшиеся в его сверкающие видимые и невидимые глубины. Метанаука, которая с древнейших времен играла в познании человека важную роль, а затем была отодвинута эмпирической наукой, теперь, в новых условиях, обретает более значительное место, вновь возрождаясь, но на более высоком уровне. Во многих работах Флоренского мы видим исследования этого процесса, осмысленного с научной точки зрения. Этот же подход мы находим и в Живой Этике, где способы познания, которые находятся в духовном пространстве человека, иногда занимают ведущее место. И Флоренский, и создатели Живой Этики понимали опережающее значение метанауки, главные находения которой подтверждались эмпирической наукой. Наука как бы раскрывала метанауку, отдавая ей время от времени тайное предпочтение. Флоренский был убежден, что метанаука, и в частности религиозный опыт, дает в системе познания более высокий результат, нежели эмпирическая наука, ибо главным инструментом исследования метанауки был и остается человек – сложнейшая

²⁶ Цит. по: Ельчанинов А.В. Дневник. Запись от 9.09.1909 / Взыскующие града. М., 1997. С. 206.

энергетическая структура, несущая в себе целый Космос. И если говорить о мирах иных, которыми занимался Флоренский, то другого инструмента для их исследования, кроме человека, пока не имелось. Для подобных исследований экспериментальной науке, согласно Живой Этике, требуется особая аппаратура, которая реагирует на тонкие процессы, идущие в материи и энергетике Космоса. Без самого человека и без находений метанауки, Флоренский был в этом убежден, невозможно создать новую систему познания в пространстве космического мышления. Ей необходимы были два крыла – наука и метанаука.

Он более чем кто-либо другой осознавал необходимость введения «человеческого» в новую систему познания, ибо это «человеческое» есть первооснова познания Реальности. «Человек есть бесконечность», – утверждал Флоренский и этим определил место творчества человека не только в системе познания, но и в самой космической Реальности. Именно эта человеческая бесконечность сделала метанаучный метод познания, возникший в духовном пространстве человеческого творчества, явлением непреходящим, живущим многие века в отличие от эмпирического метода, часто сохраняющего свои результаты лишь в течение десятков лет. Это «очеловечивание» Флоренским новой системы познания соответствует, без всяких отклонений, концепции познания, которую мы находим в Живой Этике.

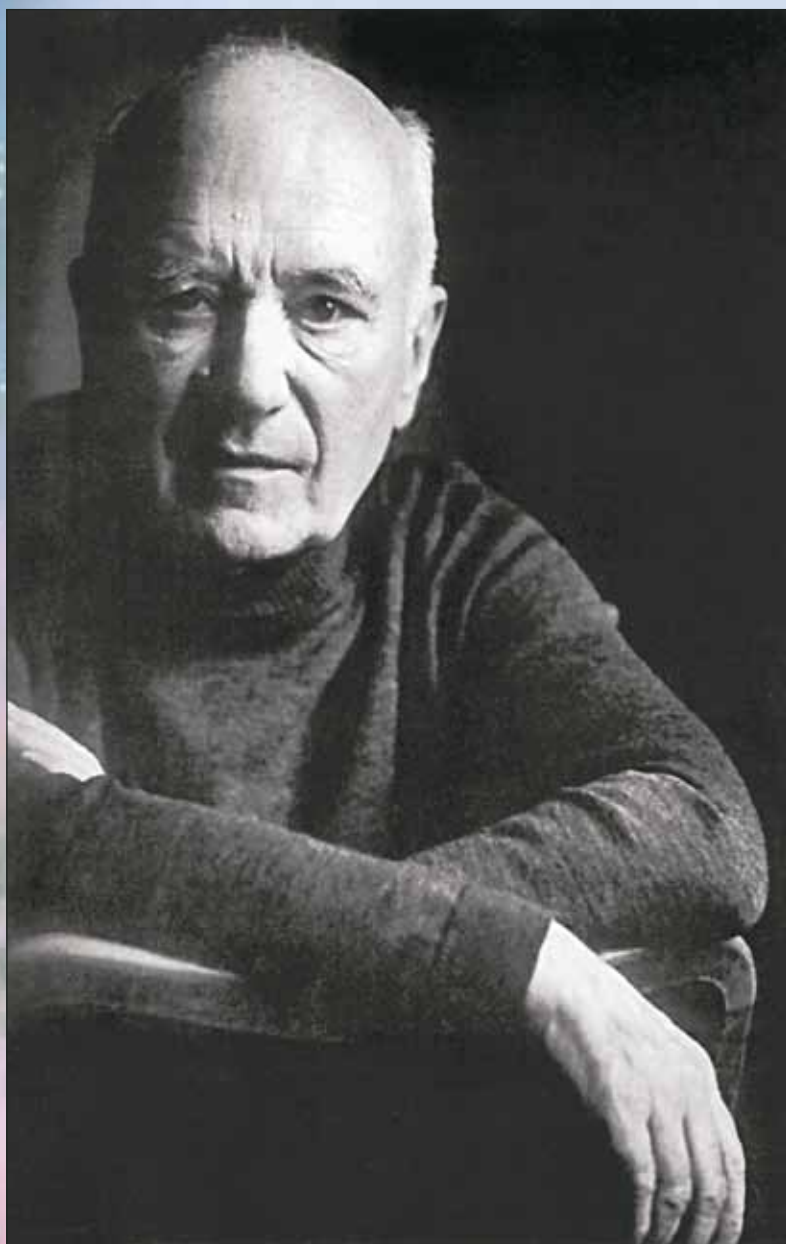
За много веков метанаука накопила богатейший запас знаний, без использования и осмысления которых невозможно было продвинуться дальше в глубины материи и в беспредельность Космоса. Флоренский раскрыл важнейшие особенности самой метанауки, научно объяснил их и сделал доступными современному научному мышлению. Вот в чем его, о. Павла, непреходящее для науки значение. Его мысли о пространстве, столь созвучные идеям Живой Этики, еще по-настоящему не осмыслены современной наукой. Флоренский считал, и справедливо, что пространство есть миропонимание. Чем шире пространство, тем шире миропонимание, чем уже пространство, тем ограниченнее миропонимание. Огромные пространства России были одной из причин формирования именно в ней нового космического мышления. Православие, в котором четко выступает космичность, также несет в себе эти российские пространства. Поэтому православие византийское и православие российское и в философии, и в искусстве резко отличаются друг от друга. Когда иконописная традиция Руси отошла от византийской, уже началось незаметное еще для самих современников формирование космического мироощущения, которое принес-

ло совсем другое понимание красоты. Так становится ясным, почему именно Россия в начале переломного XX в. заново открывает такую важную для ее культуры и нового космического мышления подлинную иконописную традицию. И особая красота этих икон, и ощущение в них космического пространства дали возможность назвать православную икону «окном» в мир более высокого состояния материи. Эти «окна» несли важнейшую познавательную функцию в пространстве христианской религии.

Идеи и мысли, которые Флоренский заложил в новую систему познания, встретили весьма противоречивый отклик научной и церковной общности. Лишь единицы смогли понять о. Павла и то, о чем он хлопотал в течение своей не очень длинной жизни. Большинство не приняло ни его философских размышлений, ни его научных исследований, связанных с этими размышлениями. Но космическая эволюция творила в пространстве земной плотной материи и не собиралась прекращать это творчество, несмотря на сопротивление темных и невежественных сил. Тоталитарное государство России всей силой своего репрессивного и идеологического аппарата не смогло остановить этот процесс. И наступило время, когда в России вновь стали говорить и писать о новом космическом мышлении, упоминать имена великих ученых, стоявших у истоков этого мышления, и рассуждать о необходимости новой синтетической системы познания. Стали издавать труды Рерихов и книги Живой Этики. Подтвержденное успехами технического проникновения в ближний Космос, новое мышление получило свое второе дыхание.

Традиционная наука, которая еще лет 10–15 тому назад не хотела даже слышать о новом космическом мышлении и его системе познания, теперь осторожно приоткрывает «железный занавес» для знаний и идей, пока еще чуждых ей. Хотелось бы привести ряд фрагментов из работ трех крупнейших ученых – академиков **Бориса Викторовича Раушенбаха, Андрея Дмитриевича Сахарова, Никиты Николаевича Моисеева**. Самое интересное состоит в том, что по своему базовому образованию они принадлежали к точным и техническим наукам. В их высказываниях мы находим отзвуки не только основателей космического мышления, но и Живой Этики. Все трое были представителями традиционной эмпирической науки, и тем самым ценность их размышлений значительно повышается. «Все чаще, – пишет Б.В. Раушенбах, – людям в голову приходит мысль: не назрел ли синтез двух систем познания, религиозной и научной? Хотя я не стал бы разделять религиозное и научное миро-

воззрение. Я бы взял шире – логическое, в том числе и научное, и внелогическое, куда входит не только религия, но и искусство, разные грани мировоззрения. Так вот, если грубо рассуждать, очень грубо, то можно сказать, что они друг от друга не зависят. Это даже в какой-то мере разделено физиологически. Одна половина мозга занимается логической частью, другая – внелогической. Мне не хотелось бы, чтобы так препарировали человека: вот левое полушарие, вот – правое, они совершенно не связаны. На самом деле человек – это некое единство, и ему свойственно целостное понимание мира. Для целостного же восприятия мира следует, что наука и религия не противоречат, а дополняют друг друга, точно так же как искусство не противоречит науке... Наука изучает законы материального

Борис Викторович Раушенбах

мира, что не является целью религии. Поэтому здесь не может возникнуть никаких конфликтов или недоразумений. Казалось бы, что математика не имеет ко всему этому никакого отношения. Но на самом деле это не так. Математика по своей сути – чистая логика, и тем не менее она знает такое внелогическое понятие, как красота. Люди, занимающиеся математикой, знают, что нередко существует несколько доказательств какой-либо теоремы. Все они безупречно правильны, но любой математик выделит из них одно или два, отличающихся особой красотой. Эта красота является ощущением того, какими тонкими логическими ходами, переплетением их и часто неожиданными заимствованиями из других разделов математики получено доказательство. Религиозные переживания – это сфера эмо-

ционального. Но существует ведь и богословие, совершенно логическое построение наподобие философских систем – суховатое, строгое, как математика; оно держится на логике, вспомним хотя бы великих западных католических схоластов. Это же настоящие ученые! Существование логически строгого богословия наряду с глубоко интимным религиозным переживанием и красота сухих математических доказательств свидетельствуют, что на самом деле разрыва нет, что есть целостное восприятие мира»²⁷.

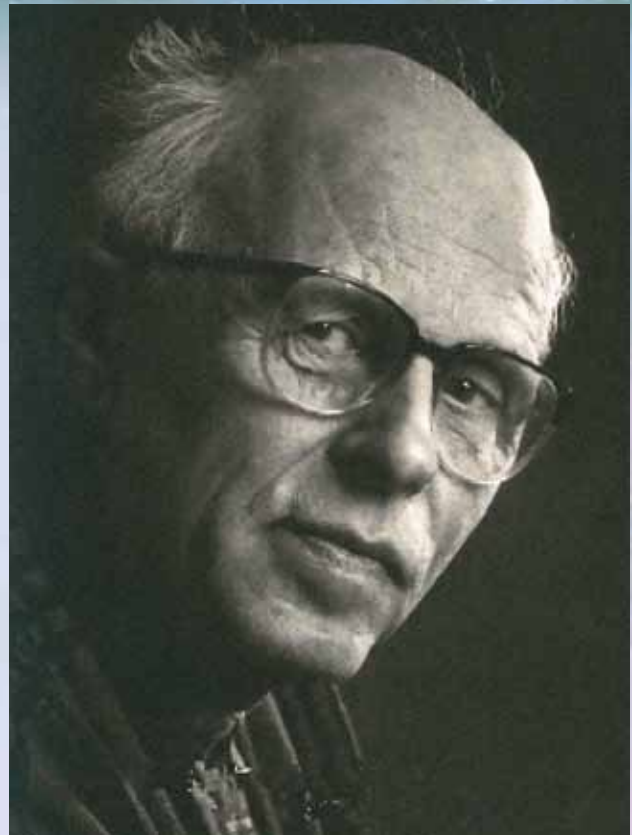
Иными словами, если есть целостное восприятие мира, или мироощущение, то и система познания должна быть целостной, или синтетической, не разделенной на научную, религиозную, философскую и т. д. теории познания. Это та система познания, которую мы находим в Живой Этике, соответствующая по своим параметрам новому космическому мышлению. Будучи уверенным именно в такой системе познания, Борис Викторович пишет: «Сегодня, в период триумфа естественнонаучного знания, впечатляющих открытий в физике, астрономии, биологии и других науках, дающих рациональное объяснение жизни Вселенной, возникла грандиозная задача – создание научной кар-

²⁷ Раушенбах Б.В. Из книги «Призрастие» // Открытое общество. №3, 2001. С. 53.

тины мира на основе научного мировоззрения. Многие считают, что решение этой сверхзадачи благодетельствует человечество. Однако такое утверждение представляется весьма сомнительным, ведь в этом случае мировоззрение будет односторонним, а потому ущербным. Человечеству нужно целостное мировоззрение, в фундаменте которого лежит как научная картина мира, так и вненаучное, внелогическое, образное восприятие его. Мир следует постигать, повторю Гомера, и мыслью, и сердцем, лишь совокупность научной и “сердечной” картины мира дает достойное человека отражение мира и его сознания и может быть надежной основой поведения»²⁸. Блестящая мысль великого ученого двигала его глубокие работы по искусству, особенно иконописи, туда, к новой системе познания космического мышления, к новому мировоззрению.

Академик А.Д. Сахаров был его единомышленником, ощущавшим, как и Раушенбах, неполноценность научного мировоззрения, лишённого явлений, связанных с духовными процессами человека. «Я не могу представить себе, – писал Сахаров, – Вселенную и человеческую жизнь без какого-то осмысливающего их начала, без источника духовной теплоты, лежащего вне материи и ее законов. Вероятно, такое чувство можно назвать религиозным»²⁹. Я бы добавила к этому, что речь идет не только о религиозном чувстве, но и о предвидении радикально новой, одухотворенной картины Вселенной, которой, согласно Циолковскому и Живой Этике, управляют разумные силы. К этой мысли сейчас подходят наиболее духовно развитые ученые с тонкой интуицией, одним из которых был, несомненно, Андрей Дмитриевич Сахаров.

Интересными с многих точек зрения являются философские размышления Н.Н. Моисеева о явлении, которое он назвал «Учитель» с большой буквы. Эти размышления созвучны эволюционной концепции Учителя, которую мы находим в той же Живой Этике. В работе «Время определять национальные интересы» академик Моисеев пишет, что его концепция Учителя не входит в марксистскую схему. «Действительность, – отмечает он, – однако, значительно сложнее той схемы, которую предлагают ортодоксальные марксисты. И очень часто именно сознание определяет бытие и активность человека, его способность принимать судьбоносные решения. Бытие чело-

Андрей Дмитриевич Сахаров

века и его сознание суть неразрывное единство»³⁰. Сделав такую поправку, он переходит к существу вопроса: «...нация, которая сегодня сумеет создать более совершенную систему УЧИТЕЛЬ, сделается лидером XXI века!»³¹ Полагая УЧИТЕЛЯ центральной фигурой в истории и культуре страны, Н.Н. Моисеев дает свою концепцию УЧИТЕЛЯ как явления: «Когда я произношу слово “УЧИТЕЛЬ” и пишу его большими буквами, то имею в виду не только педагогов, работающих в средней или высшей школе, а всех тех, кто создает систему формирования, сохранения и развития коллективных знаний, нравственности и памяти народа, передачи всего накопленного следующим поколениям, и всех тех людей, которые способны внести в мир элементы душевной тревоги за их будущность и будущность своего народа, а в нынешних условиях – и будущность планетарной цивилизации»³². И еще: «Человечество подошло к порогу, за которым нужны и новая нравственность, и новые знания, новый менталитет и новая система ценностей. <...> Вот почему учитель, то есть центральная фигура системы УЧИТЕЛЬ, тот,

²⁸ Цит. по: Бакланов Г. О герое нашего времени // Открытое общество. №3, 2001. С. 9–10.

²⁹ Там же. С. 9.

³⁰ Моисеев Н.Н. Соч.: В 3 т. Время определять национальные цели. Т. 3. М., 1997. С. 173.

³¹ Там же. С. 176.

³² Там же. С. 172.

Никита Николаевич Моисеев

кто передает эстафету знаний и культуры, особенно в “минуты роковые”, превращается в центральную фигуру общества, центральный персонаж разворачивающейся человеческой драмы»³³.

Система УЧИТЕЛЬ, которую Никита Николаевич пытался поставить на практическую основу, была самой реальной из всех идей, которые обсуждались последние 15 лет на общественной ниве. Все четверо крупнейших ученых: В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский и П.А. Флоренский – были именно такими УЧИТЕЛЯМИ, в деятельности которых связь, открытая или закрытая, с космической Иерархией является несомненной. Все четверо, призванные эволюцией в преддверии Нового Мира, безусловно, нуждались в таких земных коллегах, о кото-

рых пишет Моисеев. Он как ученый и философ продвигая систему УЧИТЕЛЬ, шел навстречу новому космическому мышлению, прозревая необходимость таких учителей при переходе планеты Земля на новый эволюционный виток.

Надо отдать должное этому великому ученому, определившему так широко и точно особенности подлинного Учителя, имеющего не только культурное, но и эволюционное значение, о котором пишет Живая Этика. Этот Учитель выступает как связь между земным и небесным, между учителем на Земле и Учителем – космическим Иерархом. Такие Учителя существовали в древности и сохранились в некоторых странах Востока до сих пор. Их опыт бесценен, их влияние на учеников, к какой бы области творчества они ни принадлежали, беспредельно. Поэтому Восток не переживает в своей культуре таких острых кризисных явлений, которые мы наблюдаем на Западе и, в частности, в России. Наше переломное время вновь потребовало такого Учителя, и академик Моисеев чутко уловил эту важнейшую эволюционную тенденцию наступающей новой эпохи. «До сих пор, – пишет он, – главным назначением системы УЧИТЕЛЬ было аккумулировать опыт, превращать его в знания, в связанную систему знаний и готовить людей, способных передавать его обществу. Теперь этого недостаточно. Опыта перехода к новой, нам еще малопонятной цивилизации нет! Значит, система УЧИТЕЛЬ и прежде всего университеты должны готовить специалистов, не просто владеющих экстрактом опыта предыдущих поколений, но готовых к встрече с неизвестным, к непрерывной учебе и поиску – поиску во всех сферах деятельности»³⁴. И словно в поддержку основных размышлений Моисеева современный российский философ В.М. Розин пишет: «В настоящее время почти все согласны, что мы стоим на пороге новой цивилизации. Куда же идет человечество? Явно к уяснению корней нашей культуры, к выработке нового понимания человека и личности»³⁵. И приводит в подтверждение своих слов высказывание одного из крупнейших философов Серебряного века Н.А. Бердяева: «Личность человека может быть вкоренена лишь в универсуме, лишь в космосе... Личность есть лишь в том случае, если есть Бог и божественное»³⁶. Космос и Высшее дают нам возможность понять, что есть Новый Мир, у порога которого мы сейчас стоим, что есть его концепция и его система познания. Все это мы находим в Живой Этике, которая необходима и для учителя

³³ Моисеев Н.Н. Время определять национальные цели. Т. 3. С. 172–173.

³⁴ Там же. С. 201.

³⁵ Знание за пределами науки. М., 1996. С. 9.

³⁶ Бердяев Н.А. Новое средневековье. М., 1991. С. 14.

ля, и для ученого, и для философа – в общем, для всех, чье творчество приближает этот Новый Мир, его новое космическое мышление.

Время Живой Этики настало, и если мы его упустим, то «новая цивилизация» может превратиться в «оскал старого», как сказано все в той же Живой Этике, созданной для нас высокими Учителями Космической Иерархии. Живая Этика звучит уже сейчас в благородных умах и тонких сердцах своей концепцией космической эволюции. И надо стремиться прислушаться к этому звучанию. Творческое наследие Рерихов – его источник. Оно обогнало свое время, чтобы у людей планеты Земля осталось пространство для размышлений и творчества во имя Нового Мира. Но и это пространство не бесконечно. С такой точки зрения и надо осмысливать Живую Этику. Определяя ее, следует сказать, что она есть творение высоко-го космического Разума на тернистом пути земной научной мысли, знак неутомимого сотрудничества Космоса с земной мыслью и выражение регулярной помощи Космических Иерархов, или, как называл их Циолковский, Совершенных, в трудной эволюции плотной земной материи.

Все четверо – и В.И. Вернадский, и К.Э. Циолковский, и А.Л. Чижевский, и П.А. Флоренский, – принадлежат к различным областям знания, занимались одним важным делом: они создавали новую систему познания для формирующегося космического мышления. Все они работали в пространстве эмпирической науки и метанауки. Никто из них не отделял одно от другого. Все они признавали необходимость сочетания того и другого в новой системе познания. Но у каждого из них, если можно так сказать, был свой «центр тяжести», который не исключал их соприкосновения и с другими областями Знания. Все четверо были не только великими учеными, но и не менее великими философами, работавшими в тяжелейших условиях расцвета идеологии тоталитарного государства. Когда мы оцениваем вклад каждого из них в новую систему познания космического мышления, то перед нами открывается удивительная картина. Создается впечатление, что кто-то составил для них единый план, имея в виду их всех как единую команду, занимающуюся творением новой системы познания. Будучи очень мало или почти не связанными в этом отношении друг с другом (за исключением Циолковского и Чижевского), они тем не менее как будто под чьим-то руководством распределили между собой главные проблемы этой системы, которые нашли свое отражение в Живой Этике.

Вернадский занимался научным познанием, Циолковский – космическим содержанием метанауки, Чижевский, наряду с другими проблемами познания, – прежде всего искусством как способом познания, и, наконец, Флоренский разработал религиозный опыт как способ познания Реальности. Их труды составляли то единое целое, что мы находим в системе познания самой Живой Этики. Неизбежно возникает мысль о том, что все четверо ученых как бы готовили необходимую почву в России для восприятия Живой Этики, Учения о Космической Реальности и ее системы познания. Вместе с этим мы должны знать, что если контакты Н.К. и Е.И. Рерихов с Высокими Учителями, Братями Человечества, имеют достаточное количество доказательств и не подвергаются сомнению, то контакты наших ученых не носили такого характера. Тем не менее нельзя считать, что Учителя, стоящие на дозоре космической эволюции человечества, ограничивают себя лишь одной формой контакта с нужными им людьми. Созвучие идей Живой Этики с идеями российских ученых свидетельствует о том, что какой-то контакт с ними у Братьев Человечества существовал. На размышление наводит и совпадение сроков публикации книг Живой Этики с наиболее плодотворными моментами творчества всех четверых. Однако утверждение, что Живая Этика могла быть прочитана кем-либо из четверых, полностью отпадает. Размышляя обо всем этом и в очередной раз просматривая одну из книг Живой Этики – «Братство», я наткнулась на очень значительные слова, которые утвердили меня в моих предположениях. «Ученые – Наши друзья, – писал Учитель. – Не называем учеными книжников, полных суеверий, но каждый просветленный труженик науки получит привет Братства»³⁷. Были ли в то время в пространстве российской науки более просветленные, чем те, о которых написано выше? По всей видимости, нет. И вряд ли стоит сомневаться в том, что именно они получили «привет Братства». Приветов, в нашем обычном смысле слова, еще никто из Братства никому не посылал. Тот, который был послан Вернадскому, Циолковскому, Чижевскому и Флоренскому, был информацией, которую они ввели в свое творчество, связанное в первую очередь с новой системой познания. Полагаю, что конкретные подтверждения связи всех четверых с Братями Человечества ждут нас в недалеком будущем, что приведет к новой, еще неизвестной нам сейчас переоценке творчества наших великих соотечественников.

³⁷ Братство, 600.